

Крестовский Всеволод Владимирович

Панургово стадо

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В84

В84 **Всеволод Владимирович К.**
Панургово стадо / Крестовский Всеволод Владимирович – М.: Книга по Тре-
бованию, 2025. – 500 с.

ISBN 978-5-519-91070-5

ISBN 978-5-519-91070-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I. Воля.

Наступилъ день 19-го февраля 1861 года.

Милліоны труждающихся и обремененныхъ осѣнили крестомъ свои широкія груди; милліоны удрученныхъ головъ съ земными поклонами склонились до сырой земли русской. Съ церковныхъ папертей и амвоновъ во всеуслышаніе раздалось вѣщее слово. По всѣмъ градамъ и весямъ, по всѣмъ пригородамъ и слободамъ, по деревнямъ, посадамъ и селамъ церковные колокола прогудѣли по всей землѣ Русской благовѣсть воли.

Русская земля отпраздновала первый день своей всенародной свободы.

А между тѣмъ...

Въ воздухѣ было что-то давящее, плавало что-то смутное, сѣрое, неопредѣленное. На горизонтѣ собирались какія-то зловѣщія, свинцовыя тучи.

— А что, рѣкой не возять?

— Покинули... день съ двадцать какъ покинули... береговымъ трахтомъ валять.

— Да вѣдь еще не сломало ея?

— Не ломало, а только вздулась, почернѣла вся... Подъ Краснымъ Ярмъ, слышно, стонъ уже дала: надо быть, скоро тронется.

Этими словами молодой человѣкъ, выглядывавшій изъ приподнятаго воротника бараньей шубы, перекинулся съ мужиченкомъ, коряваго вида, который сидѣлъ за кучера на передкѣ дорожнаго возка. Возокъ по всѣмъ примѣтамъ былъ помѣщичій, не изъ богатыхъ, а такъ-себѣ, средней руки. Его тащила по расхлябанной, размытой и разтѣженной дорогѣ понурая обывательская тройка разношерстныхъ клячъ. Былъ апрѣль мѣсяцъ — урочное время, когда по нашимъ первобытнымъ дорогамъ нѣтъ пути ни на колесахъ, ни на полозьяхъ. Молодой человѣкъ ѣхалъ на обывательскихъ, по вольному найму.

/ Дорога близилась къ рѣкѣ.

Моросило сверху, слякотило снизу. Время стояло непогожее, а между тѣмъ на дорогѣ было замѣтно какое-то необычное оживленіе. То-идѣло плелись мужики: кто въ одиночку, кто по два, по три, а то и цѣлыми гурьбами, душъ въ

десять и болѣе; иные тащились на розвальняхъ, иные верхомъ на поджарыхъ, мохнатыхъ клячонкахъ, то-и-дѣло понукая ихъ болтающимися ногами, когда тѣ вязли въ безконечной, невылазной грязи. И все это какъ-то оживленно, озабоченно толковало промежь себя, все это какъ будто торопилось куда-то, и плелось все по одному и тому же направленію, въ ту самую сторону куда тащился и помѣщичій дорожный возокъ.

Корявый мужиченко, ровняясь время отъ времени съ пѣшеходами, иногда приподнималъ свой несуразный малахай и кивалъ головою. Иные изъ пѣшеходовъ, въ свою очередь, отвѣчали ему поклонами. Видно было, что все это люди болѣе или менѣе знакомые, изъ ближней окрестности.

— Стигней! а Стигней! Куды те, претъ? окликнулъ корявый мужиченко одного изъ поровнявшихся съ нимъ мужиковъ.

— Въ Снѣжки! махнулъ тотъ рукой вдоль по направленію своей дороги: — всѣ въ Снѣжки махаемъ.

— За коимъ лѣшимъ въ Снѣжки?

— Да ты откопай! Нещто не слышалъ?

— Какъ не слыхать! Да развѣ не покончили?

— Зачѣмъ кончать... Тамъ, слышно, теперича воля заправская. Сказывали, быдто съ Питера енараль наѣхалъ... въ Снѣжки будетъ, мужичкамъ снѣжеовскимъ волю вычитывать... И мы, значить, слухать идемъ.

— Да вѣдь батька въ церкви чолъ уже?

— Мало чего нѣтъ! Теперича, баяли, самую заправскую выложить. А то, слышь ты, снѣжеовскій Нѣмецъ-ать крестьянъ снова на барщину погналъ, какая жь это воля?

Корявый мужиченко зацмокалъ, замахалъ въ воздухъ кнутикомъ, животы принатужились, рванулись понуро впередъ, и возокъ опередилъ попутнаго Евстирнея.

До села Высокіе Снѣжки оставалось верстъ пятью, не болѣе. Молодой человѣкъ закутался плотнѣе въ свою баранью шубу и уютно откинулся въ глубь возка, на мягкія деревенскія подушки. Въ Снѣжкахъ ему предстояло перемѣнить лошадей чтобы плестись съ грѣхомъ пополамъ далѣе, въ губернскій городъ, который на фантастической картѣ Россійской Имперіи, существующей въ воображеніи читателя, отмѣчается довольно крупнымъ кружкомъ, съ подписью при ономъ: „Славнобубенскъ“; стало-быть и гу-

бернію, существующую въ нашей фантазіи, мы назовемъ Славнобубенскою.

Молодой человѣкъ, съ которымъ мы повстрѣчались на дорогѣ, принадлежалъ къ числу средней руки дворянъ Славнобубенской губерніи. Читателю необходимо знать кто онъ, поэтому авторъ долженъ рекомендовать его. Это обыкновенно самое скучное, хотя и совершенно неизбежное мѣсто все возможныхъ повѣстей и романовъ. Сознавая это, авторъ постарается быть по возможности краткимъ. Зовутъ его: по фамиліи Хвалынцевъ, по имени — Константинъ, по отцу — Семеновъ. Ни въ имени, ни въ фамиліи, какъ видитъ читатель, ничего особенно достопримѣчательнаго не оказывается. Хвалынцевъ съ полнымъ правомъ можетъ называться молодымъ человѣкомъ, потому что ему только-что стукнуло двадцать два года. Онъ высокъ и мускулистъ, сложенъ крѣпко и красиво. Еслибы спросили объ его лицѣ, я бы сказалъ что это лицо русское, совсѣмъ русское, отмѣченное своеобразною красотой. Отъ его открытой улыбки, отъ его свѣтло-сѣрыхъ большихъ глазъ вѣяло чѣмъ-то симпатичнымъ и умнымъ. Теперь два слова объ его общественномъ положеніи и о томъ зачѣмъ онъ ѣдетъ по дорогѣ.

Кромѣ того что уже извѣстно, а именно что Хвалынцевъ принадлежитъ къ числу дворянъ и средней руки землевладѣльцевъ Славнобубенской губерніи, надобно знать еще что онъ третьяго курса университетскій студентъ и ѣздилъ недавно на родину хоронить одинокаго дядю, да раздѣлиться съ своею сестрою оставшимся послѣ покойнаго наслѣдствомъ. Теперь онъ возвращается въ Петербургъ, но предполагаетъ, по дѣламъ, остаться на нѣкоторое время въ Славнобубенскѣ. Вотъ и все „скучное“, что пока необходимо знать читателю о молодомъ человѣкѣ.

Возокъ поднялся на пригорокъ, и предъ Хвалынцевымъ, въ верстѣ разстоянія, развернулись то скученныя, то широко разбросанныя группы сѣрыхъ избъ, сарай, амбары, овины и бани. Тамъ и сямъ надъ этими группами поднимались силуэты обнаженныхъ деревьевъ и бѣлѣлась каменная церковь съ высокою пирамидальною колокольней. Это было село Высокіе Снѣжки.

Широкая площадь между церковью и старымъ господскимъ домомъ сплошь была покрыта густыми толпами народа. Во всей этой массѣ виднѣлись только однѣ мужскія головы. Бабье и ребятенки жались больше по окраинамъ пло-

щади, поближе къ избамъ, и промежъ своихъ собственныхъ разговоровъ, пассивно глазѣли на волнующуюся массу крестьянскаго люда, надъ которою гудѣлъ, какъ шмелиный рой, какой-то смѣшанный, тысячеголосый говоръ.

Едва Хвалынцевъ въѣхалъ на эту площадь, какъ возокъ его вмигъ окруженъ былъ толпой, и кони стали, за невозможностью двинуться далѣе.

— Енаралъ!... Енаралъ пріѣхалъ! пробѣжало изъ устъ въ уста по кучкамъ толпы, и головы ближайшихъ къ возку мужиковъ почти-тельно обнажились. Но это длилось не болѣе полминуты: разглядѣли слишкомъ молодое лицо пріѣзжаго, его баранью шубу и рѣшили, что генералу таковымъ быть не подобаетъ. Обнаженные головы снова накрылись, хотя возокъ и продолжалъ еще возбуждать любопытство толпы.

— Братцы! дайте проѣхать! высунулся Хвалынцевъ впередъ изъ-подъ кузова.

— Да тебѣ куда, милый человѣкъ? отозвался чей-то голосъ.

— На стоялый дворъ... а потомъ мимо.

— Мимо... стало-быть, не къ намъ... А нашто тебѣ на стоялый?

— Лошадей порядить.

— Стало, на вольныхъ ѣдешь?

— На вольныхъ.

— Ну, значить, зашабашить надо! Теперь не порядишь, не повезутъ.

— А что таеъ?

— Да гдѣ ужъ тутъ везти! Не такое время... Каждый мужикъ на міру нуженъ: енарала съ Питеру ждемъ.

Между тѣмъ корявый мужиченко кое-какъ пытался прокладывать себѣ дорогу; удавалось ему это съ величайшими затрудненіями, толпа разступалась туго, тысячи любопытныхъ глазъ пытливо засматривали подъ кузовъ; наконецъ, добрался-таки до стоялаго двора, который тутъ же, на краю площади, красовался расписными ставеньками.

Не успѣлъ Хвалынцевъ оглядѣться, распустить дорожный ременный поясъ, да заказать самоваръ, какъ къ нему вошли нѣсколько мужиковъ и съ поклонами остановились вдоль стѣны у дверей. Бороды по большей части были сивыя, почтенныя.

— Что вамъ, братцы? Чего вы?

— Къ твоей милости, батюшко! Заступись! обижаютъ...

— Да я-то что же?... Я, братцы, проѣзжій.

— Ты, батюшко, сказывали, питерскаго

енарала передовой... Разсуди, кормилецъ! Волю скрасть хотятъ у насъ! То было волю объявили, а нынѣ Карла Карлычъ, Нѣмецъ-то нашъ, правяющій, на барщину снова гонитъ, а мы барщины не желаемъ, потому не законъ... Мы къ тебѣ отъ міра; и какъ ежели что складчину какую, такъ ты не сумлѣвайся: удоблетворимъ твоей милости, только обстой ты насъ... Они всѣ супротивъ насъ идутъ...

— Кто всѣ? полюбопытствовалъ Хвалынцевъ.

— Да всѣ какъ есть: и становой, и исправникъ; корвинской баринъ, предводитель, тоже за Нѣмца; опять же офицеръ какой-то съ города наѣхалъ — и тотъ за Нѣмца... Одна надежда на енарала на питерскаго... Пошто же мужиковъ обижать занапрасно!

Только-что сталъ было Хвалынцевъ убѣждать ихъ что онъ къ питерскому генералу никакого касательства не имѣетъ, что онъ просто самъ по себѣ и ѣдетъ по своей собственной надобности, какъ вошелъ новый посѣтитель — жандармъ, во всей своей аммуниціи.

— Который здѣсь проѣзжій?

— Я проѣзжій. А что?

— Пожалуйте... Полковныкъ требуютъ.

— Какой полковникъ? Зачѣмъ... Чтò ему?

— Не могу знать! Приказано... Пашпортъ свой прихватите.

Хвалынцевъ, недоумѣвая, пошелъ за жандармомъ.

Пришли въ прихожую стараго и давно уже нежилаго господскаго дома. Тамъ помѣщался другой жандармъ и тоже во всей своей аммуниціи. Хвалынцева пропустили въ залу, а солдатъ почтительно-осторожною, но неуклюже-косолапою походкой на ципочкахъ пошелъ докладывать во внутренніе покои.

Хвалынцевъ машинально сталъ оглядывать залу: узкія потускнѣлыя зеркала съ бронзовою инкрустаціей; хрустальная люстра подъ расписнымъ потолкомъ; у мебели тонкія точеныя ножки и ручки, въ видѣ египетскихъ грифовъ и мумій; давнымъ-давно полинялый и выцвѣтшій штофъ на спинкахъ и сидѣньяхъ; темные портреты а на портретахъ все екатерининская пудра да высочайшіе александровскіе воротники, жабо да хохлы сученные на лобъ. Надъ диваномъ потрескавшаяся большая картина съ какимъ-то мифологическимъ сюжетомъ и обнаженными полногрудыми женами. Все это какъ-то таинственно переносило въ другой міръ, отжившій, нѣкогда бле-